

Формы проявления законов земельной ренты в условиях социализации земли в СССР

© 2010 В.М. Кусков

кандидат экономических наук, доцент

Самарский государственный экономический университет

E-mail: ecsn@sciex.ru

В статье рассмотрена история использования форм проявления земельной ренты в условиях социализации земли в течение 1917-1930 гг. Выявлены необходимые формы реализации рентных отношений, адекватных развитию производительных сил земледелия.

Ключевые слова: аренда земли, поземельный налог, подоходный налог.

Национализация земли в России в 1917 г. предопределила: 1) противоречивый поиск направления развития советской экономики в целом и земельных отношений в частности; 2) дискуссию выяснения судьбы земельной ренты; 3) определение форм проявления земельной ренты, которые использовались в хозяйственной практике в этих условиях.

В научно-экономической литературе недостаточно исследована история изменения форм земельной ренты, выяснения необходимых форм рентных отношений, способствующих развитию экономики.

В Советской России проведение национализации земли на основе первых законодательных актов - декрета "О земле" (ноябрь 1917 г.) и "Основного закона о социализации земли" (январь 1918 г.) - имело мелкобуржуазное содержание государственной земельной собственности и общегосударственное назначение формы ее выражения¹. "Проводя закон о "социализации" земли, - отмечал В.И. Ленин, - закон, "душой" которого является лозунг уравнительного землепользования, - большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: это идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян"². С чем же было не согласно руководство Советского государства в отношении содержания его первого земельного законодательства и каковы недостатки этого законодательства с точки зрения эволюции поземельных отношений вообще?

Во-первых, В.И. Ленин был не согласен с уравнительностью землепользования, понимание которого отстаивала партия "левых" эсеров. "Взгляд крестьян (а левые эсеры были проводниками этих взглядов. - В.К.) на национализацию был буржуазным: уравнительное землепользование они понимают как отнятие земли у помещиков, но не как уравнение отдельных хо-

зяйств"³. Во-вторых, основой уравнительности земли, по мнению эсеров, являлась "потребительно-трудовая норма", которая должна была стать своеобразной существенной формой выражения общественной производительной силы земледельческого труда, обеспечивающей удовлетворение потребностей самого земледельца и потребностей неземледельческого населения в результате продуктообмена между сельским хозяйством и промышленностью. Но в условиях товарно-денежных отношений данная существенная форма производительной силы труда не могла проявиться без соответствующих стоимостных, необходимых форм поземельных отношений. В-третьих, принципы формирования общественной земельной собственности в период социализации общества базировались на отрицании марксизмом закона стоимости и соответствующих форм его проявления при ликвидации капиталистического товарного производства. В-четвертых, в первых земельных актах советского государства отсутствовало упоминание о судьбе земельной ренты. Правда, сравнивая декрет "О земле" с декретом "О социализации земли", можно заметить, что последний документ учитывает закон дифференциальной ренты: "Излишек дохода, получаемого от естественного плодородия лучших участков земли, а также от более выгодного их расположения в отношении рынков сбыта, поступает на общественные нужды распоряжения органов советской власти"⁴. В-пятых, в этих документах, регламентирующих развитие поземельных отношений, мало уделялось внимания экономическому значению монополии государственной земельной собственности в полном объеме, ее воздействию на развитие производительных сил. Отрицалась необходимость использования закона абсолютной земельной ренты.

Уже весной 1918 г. В.И. Ленин большое значение начинает придавать вопросу о разви-

тии госкапитализма. В отношении изменения монополии государственной собственности на важнейшие средства производства в условиях социализации общества В.И. Ленин писал: “Социализм есть не что иное, как государственная капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией”⁵.

Исторически начальное формирование социализации земельных отношений было прервано гражданской войной. Политика “военного коммунизма” заставила отойти советское государство от экономических форм поземельных отношений, которые соответствовали закону “О социализации земли”. Декретом ВЦИК в мае 1918 г. вместо продуктообмена и дифференциального поземельного налога была введена продразверстка, которая выражалась в присвоении государством всего прибавочного земледельческого продукта. Эта форма налогообложения, по существу, характеризовала сверхрентное обложение крестьянских хозяйств. Как вынужденная мера, продразверстка становилась тормозом в развитии производительных сил земледелия, подрывала материальные стимулы крестьян.

В марте 1921 г. в рамках НЭПа вместо продразверстки был введен продналог, который являлся “...переходом от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильной социалистическому продуктообмену между промышленностью и сельским хозяйством”⁶.

На наш взгляд, нельзя отождествлять дифференциальный натуральный налог, который пыталось ввести советское государство весной 1918 г. в соответствии с законом “О социализации земли”, и продналог в условиях осуществления НЭПа. Последний устанавливался для всех хозяйств и учитывал не только природные особенности земли и ее местоположение, но и производительную силу труда середняка по отношению к производительной силе неземледельческого труда, что отражало как собственные его потребности в расширенном воспроизводстве, так и потребности неземледельческого населения⁷. Так возникало единое экономическое пространство для ведения хозяйства на любом земельном участке. Те крестьяне, которые стремились увеличить производительность труда, получали льготы по выполнению этого налога.

Кроме собственно продовольственного налога, крестьянские хозяйства уплачивали до 1923 г. подворный и гужевой налоги. С 1923 г. устанавливался единый поземельный сельскохозяйственный налог, который с 1924 г. уплачивался в денежной форме. Роль продовольственного поземельного налога в результате развития про-

изводительной силы земледельческого труда должна была уменьшаться по мере перехода к нормальному обмену между городом и деревней посредством товарно-денежных отношений. Признание необходимости в условиях НЭПа развития товарно-денежных отношений явилось одной из важнейших предпосылок для утверждения эффективных общественных форм поземельных отношений.

Введение продналога (в дальнейшем единого денежного сельскохозяйственного налога) способствовало расширенному воспроизводству крестьянского хозяйства на данном земельном участке, но в то же время он сам по себе вел к ограниченному использованию земли как средства производства. Так, наличие многоземельных, но маломощных бедняцких хозяйств, с одной стороны, и возникающая нехватка земельных площадей при имеющихся экономических возможностях середняцких и капиталистических хозяйств, с другой стороны, не способствовали полному использованию имеющихся в обороте сельскохозяйственных земель. В свою очередь, продналог не мог в значительной мере обеспечить вовлечение в производство вообще необрабатываемых земель, что ставило определенные преграды для удовлетворения общественных потребностей в земледельческой продукции.

Для большего вовлечения земель в производство и более полной реализации государственной земельной собственности в соответствии с имеющимися экономическими возможностями хозяйств правительство, начиная с введения НЭПа, пристальное внимание уделило аренде земли⁸. Советское государство стремилось развивать как коллективную, так и индивидуальную форму аренды в русле госкапитализма.

В экономической и исторической литературе еще недостаточно изучен вопрос о распространении аренды земли в СССР. В учебной литературе уделяется внимание лишь концессиям как одной из госкапиталистических форм поземельных отношений, которые не получили широкого развития в нашей стране. Но из этого не следует, что другие формы госкапитализма в поземельных отношениях не имели определенного распространения. Одной из таких его форм являлась индивидуальная и коллективная аренда государственных земельных имуществ.

Необходимо различать индивидуальную и коллективную формы аренды государственной земельной собственности, официально закрепленной через договорное отношение с государством, а также через межхозяйственную аренду земли, официально или неофициально зарегистрированную государственными органами. Если

первая форма аренды, по сути, выражала организованное госкапиталистическое направление ее развития, то вторая форма - это неорганизованная индивидуально-трудова или частнокапиталистическая аренда земли.

Госкапиталистическая форма аренды земли получила в нашей стране определенное развитие. Образованный в 1921 г. Госсельсиндикат обеспечивал сдачу в аренду коллективным и индивидуальным лицам государственных сельскохозяйственных предприятий и осуществлял контроль за их использованием. Именно в правительственных юридических актах 1921-1925 гг. закладывалась эволюция тех экономических форм земельной ренты, которые способствовали подъему сельскохозяйственного воспроизводства.

Важнейшими из данных документов, регламентирующих поземельные отношения в условиях НЭПа, явились постановление ВЦИК в октябре 1922 г. "О введении в действие земельного кодекса" и сам Земельный кодекс. В этих юридических документах проводится, по существу, положение об учете законов земельной ренты в деле "наивыгодного", с точки зрения общества, использования "доходных (арендных)" статей государства данным хозяйством, т.е. о вовлечении земли в хозяйственные отношения между государством и арендатором этого участка. «"Доходные (арендные)" статьи суть хозяйственные единицы, образующиеся из состава земельных имуществ и использующиеся путем наивыгоднейшего для государства возмездного предоставления их на договорных началах и на определенный срок земельным обществам, предприятиям, организациям, учреждениям, артелям и т.п., а также отдельным лицам»⁹.

Сдача государственных земельных имуществ в арендное пользование проводилась с торгов путем соревнования, а также в порядке соглашения. Предпочтение сдачи земли в аренду отдавалось, во-первых, тем, кто рационально и высокоэффективно ее использует; во-вторых, коллективным хозяйствам. "Исправному арендатору по окончании срока аренды предоставляется право на получение статьи без права торгов"¹⁰. Если при торгах государственная земельная собственность сдавалась в аренду тому арендатору, который предложил наивысшую по сравнению с другими цену, то при соревновательной форме сдачи земли в аренду государство предпочитало не того арендатора, который предложит наивысшую за нее цену, а того, который "...заслуживает наибольшего доверия и является выгодным и желательным арендатором"¹¹.

Арендные отношения направлялись государством в русло развития коллективно-трудо-

хозяйств. "Оказывая льготы и преимущества сельскохозяйственным коллективам, - отмечалось в кодексе, - необходимо ставить обязательным условием обработку земли арендуемого совхоза со-обща и без применения наемного труда"¹². Ликвидированные советские хозяйства сдавались в аренду вновь организованным или существующим сельскохозяйственным коллективам, и только в последнюю очередь эти хозяйства выделялись частным лицам на срок не свыше шести лет. Сдача совхозов трудовым коллективам производилась без торгов и на льготных условиях. По истечении трехлетнего срока, когда будет уверенность в прочности и жизненности коллективного объединения, последнее могло возбуждать ходатайство о предоставлении арендуемого совхоза на праве постоянного трудового пользования и владения¹³.

Рассматривая "доходные (арендные)" статьи государственной земельной собственности по отношению к сельскохозяйственным и несельскохозяйственным землям как их определенную качественную и количественную взаимосвязь, можно считать, что арендная плата за землепользование вообще предполагала обе главные формы земельной ренты с учетом их национализации¹⁴. Так, законодатель (Постановление СНК СССР от 29 мая 1924 г.) прямо сопоставлял арендную плату городских земель с основной (абсолютной) и дополнительной (дифференциальной) рентами. "С участков земли, сдаваемых в аренду с торгов, основная и дополнительная рента взимается в составе арендной платы, получаемой органами коммунального хозяйства!.." А "...с участков земли, сдаваемых в аренду без торгов..., основная и дополнительная рента (также. - В.К.) взимается в составе арендной платы"¹⁵. Сдача доходных статей государственной земельной собственности в аренду коллективному предприятию производилась на сроки не свыше 12 лет, и лишь при возведении ценных хозяйственных построек - на срок не свыше 24 лет.

Земельная рента изымалась у непосредственных арендаторов через поземельную плату и поступала на общественные нужды. Если с городских земель основная рента поступала непосредственно в центральный бюджет государства, а дополнительная - в бюджет местных органов власти, то арендная плата сельскохозяйственных земель распределялась следующим образом: 75% арендной платы шло в общегосударственный бюджет, а 25% в местный фонд исполкома.

В отечественной экономической литературе недостаточно исследован уровень развития арендных отношений в условиях НЭПа. Если в первые годы осуществления НЭПа госкапиталисти-

ческая форма аренды только зарождалась, то в дальнейшем она получила большее развитие. По нашим расчетам, с 1921 по 1928 г. она увеличилась по охвату земельной площади примерно в 10-15 раз (с 10 тыс. десятин в 1921 г. до 100-150 тыс. десятин в 1928 г.), что составляло, соответственно, 0,01 и 0,1% от всей сельскохозяйственной площади в европейской части СССР.

В отношении развития межхозяйственной аренды в СССР нет единства мнений среди ученых-аграрников. Так, Ю. Яковец считал, что в 1926 г. по РСФСР лишь 7,2% хозяйств имели посевы на арендованной земле¹⁶. Автор явно занижил развитие данной формы аренды, так как учитывал лишь арендуемые хозяйства, а хозяйства, сдающие данные земли в аренду, не включал в арендные отношения. В. Яковцевский и А. Левин также считали, что в 1920-х гг. аренда не была распространенной формой поземельных отношений. Они ссылаются на данные ЦСУ, по сведениям которого в СССР в 1927 г. в межхозяйственной аренде находилось 11,2 млн. га пашни, или 6% всей пашни страны¹⁷. Если же воспользоваться данными наркомата РКИ, то в 1927 г. в арендных отношениях участвовали 36,9% хозяйств, из них 22,7% арендовали землю, а 14,2% сдавали ее в аренду¹⁸ (здесь не учитываются данные о коллективной и индивидуальной аренде государственных земельных имуществ).

По данным А. Гайстера, в 1926 г. доля хозяйств, арендовавших землю в Смоленской губернии, составила 35%, в Калужской - 50%, в Центрально-Черноземной зоне до 40%, на Украине - 35%, на Северном Кавказе до 20%¹⁹, т.е. в среднем до 40% хозяйств арендовали землю в этих основных земледельческих районах страны. И здесь автор выделяет лишь один полюс аренды - количество хозяйств - арендаторов.

Во многих случаях полного учета межхозяйственной формы арендных отношений со стороны официальных государственных органов, по сути, не было²⁰. Поэтому действительное распространение неорганизованной аренды земли было более значительным, чем по официальным данным. Во всяком случае, доля хозяйств, охваченных арендными отношениями, составляла не менее 50%, а если учесть и такие распространенные формы скрытой аренды земли, как отработка, аренда обычных средств производства, испольщина, фиктивные семейные формы и др., то можно отметить, что этот процент был бы еще выше.

В большинстве случаев преобладала одно-, двухгодичная аренда, т.е. это характерный признак нестабильной аренды земли середняцким хозяйством. Поэтому, хотя капиталистическая

аренда и существовала, определяющее развитие получила трудовая аренда середняка.

Аренда земли как экономическая форма поземельных отношений в этих условиях выражала различное содержание в зависимости от социально-экономического уклада хозяйства. Но суть ее была одна: в условиях НЭПа крестьяне выступали в роли арендаторов государственной земельной собственности в целях удовлетворения своих собственных потребностей и потребностей государства путем извлечения дохода. Одной из форм выражения арендных отношений и являлся поземельный налог.

С 1926 г. был осуществлен переход от поземельного к подоходному налогообложению. Если поземельный налог в большей степени был увязан с особенностями земли как средства производства, то подоходный налог более дифференцировано применялся к крестьянскому хозяйству с точки зрения его доходности от использования всех ресурсов. Причинами, вызвавшими введение подоходного налога, были следующие: а) установление этой формы налога было осуществлено в интересах беднейшего крестьянства, так как оно было хотя и многоземельным (результат "социализации" земли), но маломощным (отсутствие "социализации" других средств производства); б) данная форма налога была направлена против развития элементов капиталистических и полуфеодалных производственных отношений и должна была способствовать укреплению коллективных форм хозяйства; в) отсутствовала достаточная теоретическая и практическая база экономической оценки земли, охватывающая все формы землепользования и землеустройства; г) определение поземельного налога являлось для малообразованного крестьянина очень сложным для понимания и не всегда им усваивалось. Так, в то время по стране было около 100 таблиц ставок поземельного налога²¹.

Переход к новой форме выражения государственной собственности был вызван необходимостью временного порядка, но в дальнейшем усиление роли подоходного налога в изъятии земельной ренты породило сознание ее постоянной необходимости в целях развития производительных сил сельского хозяйства, что не могло не привести к разбалансировке экономики страны, торможению ее развития.

Большое значение для процесса формирования эффективных поземельных отношений имело формирование на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Уже в 1923 г. ощущался значительный разрыв в ценах между сельскохозяйственной и промышленной продукцией, что привело к сужению развития сельскохозяйствен-

ного производства. Это объясняется тем, что цены на промтовары устанавливались выше, чем заготовительные цены на сельскохозяйственное сырье. В свою очередь, в 1925 г. наблюдалась противоположная диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством: село испытывало “товарный голод”, излишек продовольственного хлеба не компенсировался производством соответствующего количества промтоваров. При этом неудовлетворенным оставался спрос на другие виды сельскохозяйственной продукции. Если в 1924-1925 гг. соотношение между ценами на сельскохозяйственное сырье и промышленные товары составляло, по данным известного в то время экономиста В.П. Милютин, 1:1,42, то в 1925-1926 гг. - 1:1,7²². Хотя в 1924 г. и были снижены на 10% розничные цены на промтовары, но проблема эквивалентного обмена между городом и деревней так и не была решена.

Начиная с середины 1920-х гг., ценообразование на сельскохозяйственную продукцию стало ориентироваться не на рентообразующие факторы и экономические формы производительной силы труда, а определяться идеологией, навязанной обществу политикой, утверждающей необходимость развития несельскохозяйственных отраслей экономики. Так, с помощью введения различного масштаба цен значительная часть чистого дохода сельского хозяйства перераспределялась в пользу промышленности за счет установления заготовительных цен ниже стоимости продукции, а розничные цены устанавливались по стоимости или выше ее. По данным 73 всесоюзных трестов, за 1925-1926 гг. все формы чистого дохода (прибыли, налоги, рентные платежи и акцизы) в процентах к себестоимости составляли по всем отраслям экономики 40,7%, в том числе по металлургической промышленности - 6,1%, угольной - 9,2%, электротехнической - 21,9%, лесной - 32%, химической - 26,5%, нефтяной - 37%, бумажной - 48,5%, текстильной - 28,4%, сахарной - 91,7%, пищевой - 329,7%²³.

Значительная часть чистого земледельческого дохода изымалась не по месту производства, а по месту реализации в легкой и пищевой промышленности с последующим перераспределением с помощью косвенных налогов и отчисления от прибыли в госбюджет. В то же время роль сельскохозяйственного налога (рентных платежей) постепенно уменьшалась и к концу 1920-х гг. имела второстепенное значение. Важнейшим средством формирования госбюджета в условиях свертывания НЭПа становился постепенно складывавшийся и приобретающий все более существенное необходимое значение механизм заготовок государством сель-

скохозяйственных продуктов по ценам ниже стоимости.

За розничной ценой закрепились роль выравнивания условий хозяйствования на межотраслевом уровне, а за заготовительной - функция выравнивания хозяйствования внутри самого сельского хозяйства. При этом ценообразование начиная с 1921 г. ориентировалось по средним условиям производства на “средних” по качеству землях и осуществлялось дифференцированно по зонам. По мнению В.П. Шкредова²⁴, это было вызвано, во-первых, относительной отсталостью сельского хозяйства и низким уровнем его товарности, что вело к значительной обособленности местных рынков продовольственных продуктов с большой разницей цен в каждом из них. Выравнивание цен затруднялось отсутствием широко развитых транспортных возможностей. Во-вторых, зональное ценообразование было также связано с формально бесплатным землепользованием. Установление цен по худшим условиям производства при отсутствии поземельной платы привело бы к снижению доходов государства от сельского хозяйства, а между самими хозяйствами существовали бы значительные различия в уровне доходности от использования земли.

Учитывая и то, что использование “худших” земель отдавалось кулацким хозяйствам, все это и предопределило установление цен по средним условиям производства на средних по качеству землях. Сама же стоимость получила выражение в противоречащем ей явлении множества сдаточных и закупочных цен на однородные товары при наличии единой розничной цены.

Политика советского государства на абсолютизацию коллективной трудовой формы производства привела к официальному отрицанию аренды земли, которая в правовом отношении была запрещена в 1930 г. Под видом уничтожения капиталистических поземельных отношений была в теоретическом и практическом плане подвергнута отрицанию и земельная рента. Но если в теоретическом плане земельная рента как экономическая категория при социализации общества была надолго выброшена из политэкономических исследований, то практика не могла не приспособиться к изменению этих теоретических взглядов. Сам факт создания земельной ренты не устраняется субъективизмом, поэтому необходимы были соответствующие экономические формы отношений, которые и послужили бы для ее изъятия.

Согласно постановлению ЦИК и СНК от 2 сентября 1930 г., была осуществлена финансовая (налоговая) реформа, которая более 40 ранее

существовавших налоговых платежей в госбюджет свела в 2 основных платежа: налог с оборота и отчисление прибыли для государственных предприятий и налог с оборота и подоходный налог для кооперативных предприятий. Можно предположить, что в налог с оборота, наряду с другими платежами, была включена абсолютная рента и частично и дифференциальная, а подоходный налог закрепился в системе экономического механизма как форма изъятия диффренты.

В дальнейшем государственное планирование производства осуществлялось под влиянием субъективизма, так как закупочный план как основная форма оценки использования факторов производства вступил в противоречие с его дополняющими формами выражения государственной земельной собственности: налогом с оборота и подоходным налогом, с одной стороны, а с другой - план противоречил принципам ценообразования: формирование цен не по рентообразующим факторам вело к недостаточно полному производительному использованию земли. План требовал производства продукции, а заготовительная цена вела к его сокращению, что не могло не отразиться на эффективном землепользовании.

Таким образом, исторический анализ форм проявления земельной ренты в России (СССР) с 1917 по 1930 г. позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, законом земельной ренты соответствуют и необходимые действительные их формы проявления, обеспечивающие развитие экономики в целом и эффективное использование земли в частности.

Во-вторых, только при проведении НЭПа с 1921 по 1925 г. Советское государство определило эти действительно необходимые формы поземельных отношений - это поземельный налог и арендная плата. Именно в этот период в руководстве страны утвердилось понимание того, что земельные отношения в условиях социализации земли организуются на основе ее аренды и платного землепользования и владения.

В-третьих, в период свертывания НЭПа (1926-1929) вместо поземельного налога и арендной платы утверждаются формы отношений (подоходный налог, косвенные налоги), которые в меньшей степени связаны с законами земельной ренты и не дают этим законам в полной мере работать на экономику общества.

В-четвертых, национализация земли в нашей стране в целом дала низкий экономический эффект в результате недостаточного использования законов земельной ренты и их необходимых эффективных форм проявления. Если бы

не сталинская идеология, навязанная обществу, то экономически обоснованная система поземельных отношений позволяла бы повышать жизненный уровень населения. Тогда национализация земли и ренты действительно могли быть социально-экономически оправданы.

¹ Шкредов В.П. Социалистическая земельная собственность. М., 1967. С. 43-48.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 321.

³ Там же. Т. 31. С. 418.

⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). В 5 т. Т. 1. М., 1967. С. 35.

⁵ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 34. С. 192.

⁶ Там же. Т. 44. С. 8.

⁷ "...Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую... еще за 10 лет не переделали..." - подчеркивал В.И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 43. С. 71).

⁸ В.И. Ленин о необходимости аренды земли отмечал: "Государство - собственник, арендатор совхоза обрабатывает... Это, скорее, - передача управления. Надо в это вникнуть подетальнее и обстоятельнее" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 304).

⁹ Земельный кодекс. Изд. 2-е, доп. М., 1925. С. 183-184.

¹⁰ Там же. С. 184.

¹¹ Там же. С. 213.

¹² Там же. С. 221.

¹³ Там же.

¹⁴ По данным Я. Берздыса, если в дореволюционной России в 1915 г. средняя арендная плата с 1 десятины земли составляла 1,7 руб., то в 1923 г. - только 0,6 коп. (Берздыс Я. Теория земельной ренты. М.; Л., 1925. С. 145).

¹⁵ Рентное обложение: справочник к руководству для финансовых плательщиков. М., 1924. С. 18.

¹⁶ Яковец Ю. Теория и практика социалистического обобществления земли. М., 1960. С. 106.

¹⁷ См.: Яковцевский В. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М., 1964. С. 245; Левин А. Социально-экономические уклады в СССР в переходный период от капитализма к социализму. М., 1967. С. 114.

¹⁸ Гайстер А. Аренда и сдача земли // На аграрном фронте. 1927. □ 6. С. 40.

¹⁹ Там же.

²⁰ Так, в Ленинградской губернии Лужского уезда из 50 случаев аренды 33 были незарегистрированными в официальных органах, в Троицком уезде этой же губернии - 73% случаев незарегистрированной аренды (На аграрном фронте. 1927. □ 5. С. 121).

²¹ На аграрном фронте. 1926. □ 2. С. 12.

²² Там же. С. 4.

²³ Смирнов А.П. Экономическое содержание налога с оборота. М., 1963. С. 184.

²⁴ Шкредов В.П. Социалистическая земельная собственность. М., 1967. С. 111-121.